
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 130.3

**Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕКОЛЮБЕЦ,
ЧЕЛОВЕКОЗНАВЕЦ, ЧЕЛОВЕКОДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ,
МУДРЕЦ И ПРОВИДЕЦ**

Е. М. БАБОСОВ¹⁾

¹⁾*Институт социологии НАН Беларусь,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Раскрываются философский смысл и гуманистический пафос творчества Ф. М. Достоевского, воплощенные в его романах и журнале «Дневник писателя». Продемонстрирована бездонная глубина человека, составляющего символ веры писателя. Его философско-этические и психологические обобщения представлены как центральный пункт метафизической проблемы человека как личности, его жизни, исканий, страданий, любви, веры. Реконструирована теория творчества Ф. М. Достоевского, для которого человек интересен тогда, когда вступает только на свой, индивидуальный путь и, проходя его, демонстрирует нечто типичное для всего народа, его историческую судьбу и предназначение, силу и слабость. Показано, что писатель видел призвание России в том, чтобы в любых обстоятельствах отстаивать честь русского человека, народа, так как только в личностной самобытности каждого воплощается общая самобытность нации. Раскрывается диалектика любви, свободы, красоты и бессмертия как составляющих смысл жизни. Смерть на этом фоне представлена как неизбежный нравственный урок, задача которого в обострении чувства любви к человеку и смирения перед Богом. Такому пониманию жизни и смерти противостоит бесовщина – феномен, лишенный любви и смирения. Для Ф. М. Достоевского, остро предчувствовавшего будущие социальные потрясения в России и Европе, бесовщина воплощается в революционных идеях захвата власти, перестройки общества и человека по лекалам политических вождей, которые жаждут только господства над другими. Охарактеризованы

Образец цитирования:

Бабосов ЕМ. Ф. М. Достоевский – великий человеколюбец, человекознавец, человекодоброжелатель, мудрец и провидец. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;3:13–23.

<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-13-23>

For citation:

Babosov EM. F. M. Dostoevsky – great human-lover, expert in human, well-wisher of human, sage and visionary. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:13–23. Russian.

<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-13-23>

Автор:

Евгений Михайлович Бабосов – академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Evgenii M. Babosov, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; chief researcher.
babosov@yandex.ru

пророчества и предчувствия Ф. М. Достоевского относительно будущего России и ее места в мировой истории. Акцент сделан на писательском неприятии революции как братоубийственной войны и отрицании жизнеспособности коммунистических идей и идеалов. По мнению писателя, противопоставить этим мрачным прогнозам можно только религиозно окрашенный гуманизм: лучшее будущее наступит тогда, когда люди смогут объединиться в единое гармоничное целое, или рай Христов, на основе реализации главной христианской заповеди возлюбить ближнего как себя самого.

Ключевые слова: великий писатель; человекознавец; мудрец; бесовщина; революция; преданность народу; пророчества; предчувствия; гуманизм; литература.

F. M. DOSTOEVSKY – GREAT HUMAN-LOVER, EXPERT IN HUMAN, WELL-WISHER OF HUMAN, SAGE AND VISIONARY

E. M. BABOSOV^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The philosophical meaning and humanistic pathos of F. M. Dostoevsky's work is revealed, embodied in his novels and «The diary of a writer». The depth and bottomlessness of a person – the writer's symbol of faith – are presented. The philosophical, ethical and psychological generalisations of the Russian writer are presented as the central point of the metaphysical problem of man as a personality, her life, quest, suffering, love, faith. The theory of F. M. Dostoevsky's creativity is reconstructed, for which a person is interesting when he embarks on only his own, individual path, but passing which, highlights something typical for the entire people, its historical fate and destiny, strength and weakness. Only in the personal identity of each person is the general identity of the nation embodied; to defend in any circumstances the honour of the Russian man and the honour of his people – this is precisely what the citizen writer saw as the vocation of Russia. The dialectic of love, freedom, beauty and immortality as components of the meaning of human life is revealed. Against this background, death is presented as an inevitable moral lesson, the meaning of which is to sharpen the feelings of love and humility: love for man and humility before God. This understanding of life and death is opposed by demonic, a phenomenon devoid of love and humility. For F. M. Dostoevsky, who had an acute presentiment of future social upheavals in Russia and Europe, devilry is embodied in the revolutionary ideas of seizing power, restructuring society and man according to the patterns of political leaders who only yearn for domination and submission of others to their will. The prophecies and premonitions made by F. M. Dostoevsky about the future of Russia and its place in world history are characterised. The emphasis is on the writer's rejection of the revolution as a fratricidal war and the denial of the viability of communist ideas and ideals. Only religiously coloured humanism can be opposed to these gloomy forecasts: a better future will come when people, based on the implementation of the main Christian thesis, to love their neighbour as themselves, will be able to unite into a single harmonious whole or the paradise of Christ.

Keywords: great writer; expert in human; sage; devilry; revolution; devotion to a people; prophecies; anticipations; humanism; literature.

В этом году 1 ноября исполняется 200 лет со дня рождения великого русского и всемирно прославленного писателя, выдающегося человеколюбца, человекознавца и человекодоброжелателя Федора Михайловича Достоевского. Эта дата всколыхнула волну интереса к его уникальному, возвышающему душу и разум, облагораживающему стремления и действия людей, искрометному творчеству. Мы не ставим перед собой задачу рассмотреть в литературно-критическом ракурсе бескрайнюю многосюжетность и глубину отражения гением русской и всемирной художественной литературы чувств, стремлений, действий разнообразных героев его романов. Замысел данной статьи гораздо уже и специфичнее: раскрыть психологическое и философско-публицистическое величие творчества писателя – гражданина и выразителя наущных веяний эпохи и духовного богатства русского народа. Сам

писатель с удовлетворением признавал, что в его произведениях получила воплощение превосходная идея, величайший тип по своей социальной важности, который он открыл и «которого был провозвестником» [1, с. 340].

Конечно, Ф. М. Достоевский не был профессиональным философом: он не учился философии как дисциплине, не писал философские трактаты, не создал собственную философскую систему и никогда не претендовал на звание философа. Но все литературно-художественное творчество великого писателя наполнено глубочайшим философским смыслом. Стержневым средоточием, сердцевиной его художественных и умозрительных построений выступают раздумья о жизненно важных проблемах человека и человечества.

В романах великого писателя, содержащих философско-этические и психологико-когнитивные

обобщения судеб многих людей, центральным пунктом выступают проблемы личности, ее жизненная ориентация, мыслительная, нравственная и социальная качественность, многофазная сози-дательная и разрушительная деятельность. «Быть человеком между людьми и оставаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее» [1, с. 162]. Писатель утверждал, что эта идея вошла в плоть и кровь многих людей.

Проникая своим взором и мыслью в таинственные бездны человеческой души, где сталкиваются, порой переходя друг в друга, сознательное и бессознательное, абсолютная единственность и столь же абсолютная неповторимость, свобода и раболепие, духовность и телесность, демоническое и божественное, Ф. М. Достоевский был убежден и страстно убеждал других в том, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способность жить достойно в различных, даже самых тяжелых обстоятельствах. Его умом, сердцем, творческим вдохновением владели проблемы смысла жизни человека, его страсти и долга, добра и зла, веры и безверия, свободы и ответственности. Вот здесь-то раскрывается сущность исповедуемой и реализованной писателем в романах социально-психологической и социально-философской теории творчества. Для него человек интересен тогда, когда он идет по своему пути, но в его индивидуальности просматривается нечто типичное для всего народа. Стало быть, в единичной личности воплощается не природа конкретного человека, а народная мощность, суть всех личностей, составляющих народ.

По словам выдающегося немецкого писателя Т. Манна, все творчество Ф. М. Достоевского создавалось «во имя человечества и из любви к нему: во имя нового гуманизма, углубленного и лишенного риторики, прошедшего через все адские бездны мук и познания» [2, с. 345].

Еще более интегрированную и глубокую по своей сущности панораму философского смысла в произведениях всемирного гения раскрыл выдающийся русский философ Н. А. Бердяев. По его словам, у Ф. М. Достоевского было небывалое, характерное только ему отношение к человеку и его судьбе – вот в чем пафос, единственность творческого типа писателя. Для Ф. М. Достоевского ничего и никого больше нет, кроме человека, все раскрывается лишь в нем, все подчинено лишь ему. Такой исключительной поглощенности темой человека ни у кого среди прозаиков не было. Как и такой гениальности в раскрытии тайн человеческой природы. Ф. М. Достоевский прежде всего антрополог, исследователь глубин и тайн человеческой природы. Сложная фабула его романов есть раскрытие человека в разных аспектах, с разных сторон. Писатель открывает и изображает вечные стихии человеческого духа. В глуби-

бине человеческой природы он обнаруживает Бога, дьявола и бесконечные миры, но всегда делает это через человека и из интереса к нему. Для него даже преступление не уничтожает человека, не страшна смерть, ибо вечность всегда раскрывается в человеке. Он художник не той безликой бездны, в которой нет образа человека, а бездны человечности, человеческой бездненности. В этом он мировой гений, величайший ум, который занимал действительно-активную позицию по отношению к человеку, раскрывал иные миры через него [3].

Ф. М. Достоевский всегда интересовался философией, хорошо знал античную, средневековую и современную ему философскую литературу. В мучительные годы переосмыслиния своих мировоззренческих установок, после четырехлетней каторги и разжалования из поручиков в рядовые, в условиях обессиливающей тело и душу солдатской муштры (на это ушло шесть лет), бесконечных смотров, подготовок к парадам и участия в них великий писатель в своих обращениях к старшему брату и другу Михаилу просил прислать ему большое количество книг. Среди них наряду с Библией, Кораном, церковными сочинениями он просил прислать ему «“Critique de raison pure” [“Критику чистого разума”] Канта и... непременно Гегеля, в особенности Гегелеву “Историю философии”. С этим вся моя будущность соединена!» [1, с. 173]. Такая просьба была обусловлена не простой любознательностью, а жгучей необходимостью усвоить и эксплицировать в своем творчестве философские основания существования и деятельности человека в его взаимодействии с другими людьми, их общностями, государством и церковью, в его движении от бесовского, захваченного греховной вседозволенностью человекобога к укорененному в человеческом сердце и религиозной вере Богочеловеку – Христу.

Ф. М. Достоевский был убежден, что социально и нравственно развитому русскому человеку присущи глубокие философские размышления о смысле жизни и в этом заключается его национально-этническое своеобразие. Данная позиция отчетливо выражена в словах героя романа «Братья Карамазовы» Дмитрия: «все настоящие русские люди философы» [4, с. 28].

По утверждению великого писателя и человечековеда, «...философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное – природа... <...> Философия есть та же поэзия, только высший градус ее!...» [1, с. 54]. Он считал, что в философском постижении мира и человека доверие к жизни получает более чистый и возвышенный источник. Именно этой вере, писал он в письме Михаилу, предназначено разгадать глубокую тайну, скрывающуюся в сердце человека. А суть ее заключена в следующем: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не

говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [1, с. 63].

Глубокую и непреложную справедливость такой самооценки доказывает органическая включенность в художественную ткань величайшего романа «Братья Карамазовы» глубоко философской притчи «Легенда о Великом инквизиторе». Согласно ей стержневой основой всего сущего является абсолютное достоинство личности, конкретного человека, который никогда, ни для кого и ни для чего не может быть только средством, но всегда должен быть целью каждого созидающего действия. В притче все временное, преходящее, случайное отходит на задний план, вперед выступает только глубокое и вечное в человеке. Яркими публицистико-философскими словами в ней выражено убеждение, согласно которому человек в своей целостности есть существо творческое, для которого чувствовать, желать, справляться, достигать, стремиться к лучшему составляет непреодолимую потребность и цель. Великий писатель-человекознавец, исследуя сложную ткань социального бытия, обнаруживает и представляет читателю своеобразные места разрывов, выражающиеся в общественных травмах и болезнях, алчности, предательстве, вседозволенности и преступлениях. Но самая великая «тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить» [4, с. 237].

Поэтому всем тем напастям, которые обрушаются на людей в таких местах разрывов бытия, противопоставляется «самая великая потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению» [5, с. 235] в органическом взаимопереплетеении с неравнодушным сердцем и глубокой любовью, с непоколебимой верой в лучшее будущее.

Философскую направленность творчества Ф. М. Достоевского особенно выделяли и высоко оценивали русские религиозные ученые В. С. Соловьев, Г. В. Флоровский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, С. Л. Франк, Л. И. Шестов. Известный достоевед А. Г. Гачева утверждала, что русская философская мысль во многом обязана Ф. М. Достоевскому – своему предтече, сыгравшему ведущую роль в подготовке религиозно-философского возрождения XIX – начала XX в. [6].

Своим художественно-философским творчеством Ф. М. Достоевский оказал огромное воздействие на развитие литературы и философии, философских концепций XX в., причем не только русской философии Серебряного века, но и персонализма, фрейдизма и экзистенциализма. По утверждению М. А. Маслина, великий писатель призывал к отказу от пресловутой «философии среды», обрекающей человека на пассивность, снимающей с него ответственность за собственные поступки и в конце концов лишающей его свободы. «Мировоззрение Достоевского – это философствование

экзистенциального типа, философия существования» [7, с. 693].

Благотворное влияние произведений Ф. М. Достоевского ощутили и высоко оценили Т. Манн, А. Эйнштейн, Ж.-П. Сартр, Х. Ортега-и-Гассет и другие выдающиеся интеллектуалы XX в. А. Эйнштейн, в частности, писал о том, что главная цель великого писателя «заключалась в том, чтобы обратить внимание на загадку духовного бытия» [8, с. 164]. В письме П. Эренфесту в апреле 1920 г. он утверждал, что с восторгом читает роман «Братья Карамазовы» и считает его самой поразительной книгой из всех, которые попадали ему в руки.

Размышления Ф. М. Достоевского о философии как о поэзии высшего ранга, самобытности русского миро- и человекопонимания взаимопересекаются с его суждениями о том, что без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. Концентрированным воплощением самобытности русского национального самосознания, как утверждал великий писатель, является русская национальная идея – данное понятие ввел в словоупотребление именно он. Разъясняя его смысл, Ф. М. Достоевский в письме А. Н. Майкову 18 января 1856 г. писал: «Я говорю о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной» [1, с. 208].

Описывая свою позицию, он обратился к стихотворению А. Н. Майкова «Клермонтский собор» и отметил важность понимания представленной в нем идеи русской государственности в сочетании с патриотической гордостью и верой в будущее: «...идея была освещена великолепно, вполне национально и рыцарски... и наша политическая идея, завещанная еще Петром, оправдалась всеми. <...> Уверяю Вас, что я, например, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня – это был русский народ, мои братья по несчастью» [1, с. 208].

В своей знаменитой речи об А. С. Пушкине Ф. М. Достоевский подчеркивал, что если русская национальная идея заключается прежде всего во всемирном единении, то задача людей в том, чтобы, прекратив все споры и раздоры, стать поскорее русскими и национальными и всем вместе перейти прямо к делу [9, с. 131]. Наставая на всечеловечности русского национального идеала, он поясняет, что в нем не заключено никакой враждебности Западу: «...стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно в основании своем, но и народно, совпадало вполне со стремлениями самого духа народного» [9, с. 131]. Он страстно верил в то, что самое лучшее в жизни общества созидается народом, что только народ дает нам лучших людей. Но для этого нужны условия. «Лучшие люди познаются высшим нравственным развитием и высшим нравственным влиянием» [10, с. 234]. По утверждению

Ф. М. Достоевского, народ не представляет собой некую безликую, однородную массу, а состоит из множества весьма различных людей. Поэтому, писал он в своем дневнике, «народ не может быть без личности» [10, с. 86]. Только в личностной самобытности каждого человека воплощается общая самобытность нации, а «потеря народной чести ведет потерю и личной чести» [10, с. 313]. Отстаивать при любых обстоятельствах честь русского человека и народа – именно в этом усматривал писатель-гражданин великое призвание России. Это призвание, по его словам, означает, «что великая наша Россия во главе объединенных славян скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединение всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обретенного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я» [11, с. 195–196].

В качестве одного из идеалов, влекущих к себе ищущую смысл жизни личность, Ф. М. Достоевский восславляет свободу. В его понимании свобода проявляется как способность человека действовать в различных условиях повседневного бытия в соответствии со своими интересами, целями и идеалами. Поэтому достижение свободы писатель связывает, с одной стороны, с внутренними импульсами и побуждениями человека, а с другой – с независящими от него условиями, при этом обращает внимание на то обстоятельство, что «бытие [в том числе и свободы] только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие» [10, с. 240].

Ф. М. Достоевский утверждал, что распространение во взаимодействиях людей пресловутого принципа вседозволенности не является реальным проявлением свободы, а наоборот, заключает человека в липкие, удушающие нравственность тенета и лишает его возможности спасения. Развивая эту идею, он добавляет: «лишение свободы есть самое страшное истязание, которое почти не может переносить человек» [10, с. 96]. В контексте именно такого понимания сущности свободы великий писатель-философ утверждает, что в стремлении к свободе в своих раздумьях, миропонимании и поступках человек должен «победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог наконец достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, т. е. свободы от самого себя» [5, с. 26].

Такое истолкование свободы отчетливо проявляется в романе Ф. М. Достоевского «Преступление

и наказание». Главный герой Родион Раскольников, чьи душа и тело, изнуренные и подавленные глубокой бедностью, из-за которой он вынужден оставить обучение в университете, вынашивает идею дозволенности преступления. Человек, думает он, имеет право, более того, должен перешагнуть через запрет убийства, если жертва ничтожна, как эксплуатирующая его нищенство старушка-ростовщица, ведь ее уничтожение открывает путь к свободе. Но купленная такой ценой свобода в реальности оказывается несвободой, рабской приверженностью изменяющимся обстоятельствам. Своим романом и всем творчеством Ф. М. Достоевский показывает, что такое извращенное понимание свободы порождается не внутренней природой человека, а внешними невыносимо трудными условиями жизни.

Страдая за совершенное злодеяние, Раскольников признается в нем в полицейском участке, его высыпают по приговору суда на каторгу в Сибирь. Казалось, все пропало, жизнь кончена. Но вместе с Родионом едет на каторгу и Соня Мармеладова, еще одна жертва жизненных обстоятельств, которую выталкивает на панель вечно пьяный и нищенствующий отец. Ее чистую и светлую душу, мятущуюся в продажном теле, влечет преодолевающая все трудности любовь. В минуту свидания молодых людей, когда конвойный отворотился, пишет Ф. М. Достоевский, в глазах их «...засветилось бесконечное счастье... <...> В этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. <...> Он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она – она ведь и жила только одною его жизнью!» [12, с. 421].

Такая оптимистическая концовка романа о преступлении и последующим за ним наказании позволяет более рельефно и глубоко осознать, почему философствующий писатель был убежден, что самое тяжелое и труднопереносимое в жизни – «отнятие всей личной и духовной свободы у людей, умерщвление личности» [10, с. 126]. Именно подлинная любовь, в которой воплощена глубина человеческой личности, спасает эту личность от небытия, умерщвления и открывает дорогу к духовному возрождению и возвращению.

Итак, человек обретает или возрождает свободу в своем отношении к кому-либо или чему-либо как к наивысшей ценности. Свой идеал любви Ф. М. Достоевский выражает словами главного героя романа «Братья Карамазовы» Мити, который говорит о том, что этот идеал несет в себе самоутверждение и самопожертвование, связанные с самой чистейшей любовью, с любовью, полной всепрощения [4].

По-видимому, самое глубокое, возвышающее человека истолкование любви Ф. М. Достоевским

воспроизведено крупнейшим русским философом первой половины XX в. Н. А. Бердяевым, для которого трактование феномена любви стало центральной темой исследований. В философском эссе «Любовь у Достоевского» Н. А. Бердяев утверждает, что все творчество Ф. М. Достоевского насыщено жгучей и страстной любовью. Любовь у него – вулканическое извержение, динамитные взрывы страстной природы человека, неувядающий огонь, который затем превращается в ледяной холод. Иногда любящий представляется нам потухшим вулканом. Любовь не самоцenna, не имеет своего образа, она есть лишь раскрытие трагического пути человека, испытание человеческой свободы [13].

Для сохранения свободы личности необходимо смирение перед тем, что выше твоего Я. Истинная любовь связана с бессмертием, утверждением вечной жизни. Это центральная для творчества Ф. М. Достоевского мысль. Истинная любовь связана с личностью, а личность – с бессмертием. Данное утверждение верно и для эротической любви, и для всякой иной любви человека к человеку [13].

Любовь так же многообразна и многогранна, как сама жизнь. Есть любовь человека к себе (самолюбие, себялюбие), любовь мужчины к женщине (женщины к мужчине), материнская (отцовская) любовь, любовь-милосердие, любовь к родному городу (деревне), к своей профессии, к театру, к музыке, к спорту, к своему Отечеству и т. д. В настоящей любви всегда спаяны воедино и чувства, и страсть, и разум, и воля, и влечение сердца. Она всегда прекрасна по-своему, без нее нет и не может быть жизни. Ф. М. Достоевский не раз говорил: «Любовь столь всесильна, что перерождает нас самих».

Любовь в разных жизненных ситуациях чаще всего оказывается позитивно взаимосвязанной с красотой. Любящий человек считает любимую женщину (девушку) красивой, даже если другие люди с такой оценкой не солидарны. Ф. М. Достоевский отмечал, что потребность красоты и творчества, воплощающего ее, неразлучны с человеком, без нее человек, может быть, не захотел бы и жить на свете. Красота в понимании великого писателя предстает в изумительной многогранности. Писатель подчеркивал: «В русском человеке (большей частию) из простонародья нужно отвлекать красоту от наносного варварства» [10, с. 79]. Он считал, что представления о красоте с течением времени изменяются, поэтому «остался незыблемым (в красоте) лишь костюм Бельведерского Аполлона и Венеры Милосской» [10, с. 87]. По его непреклонному убеждению, люди в своих поступках и действиях должны руководствоваться «нравственным признанием высшей красоты, служащей идеалом для всех... во имя которой все бы обнялись и пустились действовать, достигая ее (красоту)» [10, с. 159]. Только в такой ситуации, считал он, возникает возмож-

ность победить зло красотой любви и управлением собой [10, с. 165]. А путеводной звездой на этом пути выступает органическое соединение чистой любви с верой в красоту народа [10, с. 145]. Очищение от зла происходит тогда, когда чувства, стремления и действия человека соприкасаются «с красотою высшей, красотою идеала» [10, с. 198].

В романе «Идиот» писатель воплощает идею «...изобразить вполне прекрасного человека. Труднее этого... быть ничего не может» [14, с. 379]. Эта идея, убежден он, «сосредоточивает читателя на сопротивление состоянию упадка, отсутствие красоты удесятеряет потребность в ней человечества, господство безобразия в конце концов рождает жажду переустройства мира на новых началах, дающих ему новый же, более достойный человека образ» [14, с. 386]. Говоря о главном герое романа, Ф. М. Достоевский восклицает: «Неужели фантастический мой “Идиот” не есть действительность, да еще самая обыкновенная! Да именно теперь-то и должны быть такие характеры... Я не за роман, а я за идею мою стою» [14, с. 398].

Разумеется, в романах великого прозаика униженные и оскорбленные герои проходят через страдания и мучения потому, что живут в обществе, где господствуют погоня за деньгами, озлобленность, враждебность, сладострастие, вседозволенность, нравственные нормы попираются холодным и бездушным расчетом, низменными страстями.

Наиболее концентрированное художественно-философское воплощение носителей именно таких античеловеческих стремлений и действий представлено писателем в романе-предупреждении «Бесы». Один из главных действующих персонажей романа Петр Верховенский предстает как мрачная, казуитски изворотливая, лживая, человеконенавистническая фигура. Созданная им тайная политическая организация ставит своей целью захватить верховную власть и покорить Россию. Для ее достижения выдвигается задача разделить человечество на две неравные части. Та из них, которая захватывает власть и составляет одну десятую населения, получает безграничное право господствовать над остальными, которые должны утратить волю, потерять личность и обратиться в безгранично повинующееся стадо. «Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. <...> Все рабы и в работе равны. В крайних случаях клевета и убийство... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов» [15, с. 322]. Верховенский уверяет: «Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ... <...> Мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат, мы всякого гения потушим в младенчестве. <...> Но нужна и судорога, об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители» [15, с. 322]. Для него «преступление не помешательство... <...> Мы провозгласим разрушение... <...>

Мы пустим пожары... <...> Раскачка такая пойдет, какой мир еще не видал... Затуманился Русь, заплачет земля по старым богам. <...> Нам ведь только на раз рычаг, чтобы землю поднять» [15, с. 325]. Все эти злодейские мерзости должны были совершаться для систематического потрясения основ, разложения общества и всех начал. В результате этого расшатывания общество должно было стать болезненным, раскисшим, циничным и неверующим [15].

И все-таки Верховенский выступает не главной фигурой в античеловеческих злодеяниях. За ним маячит другой персонаж – Николай Ставрогин, внешне красивый и умный, руководствующийся принципом «чем хуже, тем лучше». Он подлинный вдохновитель всех форм и проявлений бесовщины, глумящийся над людьми, самодовольный, самовлюбленный злобный извратитель и истязатель человеческих тел и душ, готовый во имя своей все-разрушительной идеи, прикрываемой маской революционности, пожертвовать всем миром. Злоба его, по словам Ф. М. Достоевского, «была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, разумная, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть» [15, с. 65]. Эту злобу чаще всего прикрывала улыбка высокомерного торжества и недоверчивого изумления, сопряженная с великой ненавистью. Не зря многие люди в романе говорили, «что Ставрогину надо было жену [предавшую его анафеме] скечь, для того и город сгорел» [15, с. 404]. В своем предсмертном письме Ставрогин писал: «Я знаю, что мне надо бы убить себя, смести себя с земли как подлое насекомое, но я боюсь самоубийства, ибо боюсь показать великодушие, я знаю, что будет еще обман – последний обман в бесконечном ряду обманов» [15, с. 514]. Бесповоротное крушение нравственности и гражданственности заканчивается самоубийством главного героя романа «Бесы».

В образе Ставрогина предстает извращенный злодей и носитель высокой трагедии, который за свою безнравственность и человеконенавистничество расплачивается неизбывными страданиями, приведшими в конце концов к самоуничтожению. Раскрывая бесперспективность бесовского нигилистического всеразрушительства, Ф. М. Достоевский противопоставляет ему невидимый и как бы неслышимый в романе народ, коренящуюся в умах и сердцах людей правду как источник и двигатель истинного обновления общества.

В романе «Подросток» Ф. М. Достоевский предстает как великий и уникальный парадоксалист. Как только главный герой произведения Аркадий Долгорукий появляется на страницах романа, сразу же начинаются парадоксы. «Я, – говорит он, – законнорожденный, хотя я в высшей степени незаконный сын» [16, с. 6]. Он замечал, что в разговоре с другими людьми часто попадает в парадоксальную ситуацию: «Я начну развивать мысль, в которую верую,

и почти всегда так выходит, что в конце изложения я сам перестаю веровать в излагаемое» [16, с. 179]. В своих поступках он отклоняется от общечеловеческих норм поведения, при этом является жертвой своей двойственности. У этого молодого человека во всем проявляются начавшийся моральный и психический распад личности, жажда наживы и разврат. Во всех его мыслях и поступках присутствует фантастически парадоксальное намерение стать необычайно богатым, им владеет идея превратиться в новоявленного Ротшильда [16, с. 66].

Широко известный немецкий дистоевед Х.-Ю. Геригк вполне объективно утверждает, что в романе «Подросток» представлен тип амбициозной личности, не имеющей власти, испытывающей постоянные колебания между жгучей гордостью и глубочайшим презрением к себе, добродетелью и пороком, нравственным самосознанием и отчаянным преступным деянием. Позиция главного героя – это участие в развращении мира. В конце романа он сидит один в тесной комнатке и через щелку смотрит на мир [16, с. 443]. Так писатель демонстрирует нежизнеспособность безнравственных принципов, лежащих в основе сюжета [17].

Ф. М. Достоевский, до глубины души потрясенный смертью своей трехмесячной дочери, а вслед за этим и сына, умершего в младенческом возрасте, с большим благоговением относился к детям. Великий писатель утверждал, что через детей лечится душа. По его убеждению, нет «...без детей ни брака, ни семейства, ни жизни. Благородного подвига жаждут... дети и неспособного на благородный подвиг дадут сделать благороднее. Дети благородят» [10, с. 314]. Он очень резко осуждал жестокое, подчас зверское, отношение матерей и отцов к детям. Противопоставляя этому глубоко прочувствованную, возвышающую и воспитательную заботу о ребенке, он отмечал, что пяти- или шестилетний ребенок знает иногда о Боге или добре и зле такие удивительные вещи и такой неожиданный глубины, что просто удивляет. Чтобы такие дети физически и нравственно развивались, необходимо, чтобы родители любили их, дали им образование, сделали их гражданами, обеспечили достойное воспитание.

В публикуемой версии романа «Братья Карамазовы» в последней сцене описаны похороны трагически умершего мальчика Илюшеньки, вокруг гробика которого столпились некогда враждовавшие между собой его школьные товарищи, объединенные увещеваниями правдивидца и носителя христианских ценностей Алеши Карамазова. Обращаясь к школьным друзьям Илюшеньки, Алексей говорит: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое

прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь» [4, с. 195]. Продолжая разговаривать с детьми, Алеша восклицает: «Ну пойдемте же! Вот мы теперь и идем рука в руку» [4, с. 197]. «И вечно так, всю жизнь рука в руку!» [4, с. 197].

В этом знаменитом призыве фактически сформулирован завет Ф. М. Достоевского не только детям своих современников, но и детям последующих поколений, которые воплощают не только наше будущее, но и людей, на которых возлагается миссия движения человечества к лучшей жизни.

Великий ясновидец духа Ф. М. Достоевский, всматриваясь в будущее, подчеркивал, что в великой душе должны быть и великие предчувствия [10]. Если способность пророчества действительно есть в человеке и заключается в самой его природе, размышляет писатель, было бы полезно очистить этот факт от мистической примеси. В этом рассуждении весьма заметно стремление снять со всевозможных предвидений, пророчеств и предошущений их мистический покров, неизбежно набрасываемый на них склонными к предрассудкам людьми. Но, возлагая на себя такую трудно осуществимую миссию, Ф. М. Достоевский, тем не менее, был твердо убежден, что в человеке чрезвычайно развито верование если не в пророчество, то, например, в способность предчувствия.

Эта убежденность в том, что человек способен предошущать, многократно усиленная непревзойденным умением писателя проникать в глубинные пластиы человеческой психики, видеть безумную обнаженность хорошего и дурного в поступках и страстиах героев своих произведений, дала ему редкостную возможность в совершенной художественной форме высказать подлинно пророческие идеи. Достаточно вспомнить, с какой силой предчувствия он увидел в группе Ставрогина и Верховенского из романа «Бесы» всю порочность бесовства, претендующего на вседозволенность во имя неограниченного властевования над тысячами и миллионами людей. Именно угроза осуществления принципа вседозволенности не в действиях одиночки-индивидуалиста, а в обществе, где идеалы равенства и справедливости насаждаются насилием над миллионами людей, побудила Ф. М. Достоевского написать роман-предупреждение «Бесы». И для понимания пророческой мощи этого предупреждения важна не фабула романа, не отслеживание его сюжетных линий, а обобщенные до уровня типизации видения системы машинного господства над человеком с непрекращающейся диктатурой центра, системы единомышляющих с тотальным политическим контролем, при котором взаимная слежка и доносительство становятся способом выживания.

Отвергая с негодованием любые проявления бесовства, Ф. М. Достоевский убеждал своих читателей: «Лучше верить тому, что счастье нельзя купить злодейством, чем чувствовать себя счастливым, зная, что допустилось злодейство. <...> Что правда для человека как пища, то пусть останется правдой и для всей нации. <...> Надо чтоб и юноша-энтузиаст возлюбил свою нацию, а не шел бы искать правды идеала на стороне и вне общества» [11, с. 49]. Размышления эти выкирстализовались полтора века назад, но звучат ныне так, как будто сформулированы в наши дни. Причем пророчество в истолковании писателя может иметь как положительную, так и отрицательную направленность. В годы его жизни в России велось немало разговоров и споров, в основном в интеллигентных кругах, о грядущей в стране революции. Он сам, хотя и участвовал в движении петрашевцев, за что был послан на каторгу и разжалован из поручиков в солдаты, относился к идее революции резко отрицательно.

Высказанные им предположения о грядущей революции в России представляют особый интерес. Бунт, считал он, «...начинается с атеизма и грабежа всех богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы, в стойла. Зальют мир кровью, а потом сами испугаются... <...> Предвидится страшная, колоссальная стихийная революция, которая потрясет все царства мира сего. Но для этого понадобится множество голов. Весь мир будет залит реками крови» [18, с. 147].

Изобразив эту картину как мрачное исчадие ада, Ф. М. Достоевский обреченно предрекает: «хотя коммунизм, наверное, будет и восторжествует, но мигом провалится» [10, с. 111]. Такая революция, считал он, непременно вызовет самый кровавый, ненавистный и пагубный вид войны. «Это война междуусобная, братоубийственная. Она мертвят и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия» [19, с. 123].

В этих размышлениях и яростной антикоммунистической полемичности писателя отчетливо проявляется его отношение к революции как к разрушительному, богопротивному грандиозному разгулу отвергаемого им бесовства, в котором массы людей сталкиваются со злом во всех его возможных проявлениях. В большинстве приведенных суждений о революции гениальный писатель оказался неважким политическим провидцем.

Ф. М. Достоевский не был бы гением, если бы в жизни и творчестве не был парадоксалистом (как он сам говорил). И когда мы сопоставляем выпущенные им ядовитые критические стрелы в адрес революции и коммунизма с его же суждениями о лучшем будущем человека и человечества, то вторая позиция оказывается не только предпочтительной, но и гораздо более многогранной и доказательной. Он был убежден, что Россия не может изменить

великой идеей, завещанной ей веками и которой она следовала неустанно. Идея всеединения славян заключается во всеслужении человечеству, в том, чтобы сказать и свое слово в цивилизации [20, с. 45, 47].

В простом русском человеке, считал Ф. М. Достоевский, нужно уметь отвлекать его красоту «от наносного варварства» [10, с. 79]. Отметив непрходимую наносную грязь, в которую погружен народ, писатель надеялся, что истинный друг человечества сумеет отыскать в этой грязи варварства бриллианты и станет судить русский народ по тем великим и святым вещам, по которым он постоянно вздыхает. «Судите наш народ не по тому, чем он есть, а потому, чем желал бы быть стать» [19, с. 342]. А идеалы его сильны и святы, они и спасли его в века мучений, срослись с его душой и наградили ее на веки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом.

Гениальный писатель свято верил в великое будущее России и ее народа. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно. Ее назначение столь высоко и ее внутренние предчувствия этого назначения столь ясны, что тот, кто верит в это назначение, должен стоять выше всех сомнений и опасений [1].

Преклоняясь перед своим народом в глубоком уважении и любви к нему, Ф. М. Достоевский подчеркивал, что народ ищет правды и воспринимает не столько глубиной мысли, сколько глубиной души своей. Он верит, что спасется лишь в конце концов всесветлым единением во имя Христово [21].

Говоря о том, какую идею должна нести художественная литература народу, Ф. М. Достоевский отмечал, что литература – знамя чести, она должна основываться «на потребности нравственного обновления человечества сообразно с ростом и развитием человеческого, гражданского и политического» [10, с. 223–224]. В этом размышлении угадывается человек необычайной духовной силы, неизмеримой глубины, провозвестник великой нравственности и гражданственности, пламенно чтивший свой народ и его духовную красоту. Поэтому, был убежден писатель-прорицатель, «от народа спасение душ» [5, с. 285].

Вглядываясь своим провидческим взором в будущее, Ф. М. Достоевский выразил свою мысль словами одного из немногих положительных героев романа «Бесы» Шатова: «Будет новый человек, счастливый и гордый» [15, с. 93]. Для достижения этой благородной цели необходимо сохранить народную нравственность, культуру, идеалы. Для этого лучшие люди должны объединиться для достижения созидающего идеала. Этот идеал, по мнению гениального писателя, заключен в том, чтобы «при полном реализме найти в человеке человека и озарить все действия людей светом истинной человечности, к признанию духа народного» [22, с. 134].

Ф. М. Достоевский был убежден в том, что в будущем самая высшая свобода и высочайшее проявление воли осуществляется в том, что все люди «станут братьями, и не из одной только экономической пользы, а от полноты радостной жизни, от полноты любви» [11, с. 63]. Но чтобы достичь такого уровня взаимодействия людей, надлежит осмыслить и прочувствовать, что «сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека» [11, с. 47]. Для этого необходимы воспитание и неутолимый труд, чтобы «в неустанной дисциплине и непрерывной работе самому над собой и мог бы проявиться наш гражданин». Именно под таким углом зрения Ф. М. Достоевский оценивал сущность и роль свободы в жизни людей. «Настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей, так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтобы всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином» [11, с. 334].

Высочайшее развитие человеческой личности, по мнению великого писателя, «...должно дойти до того... чтобы человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаботно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон Я сливается с законом гуманизма... <...> Вся история как человечества, так отчасти каждого отдельно... есть стремление и достижение этой цели» [23, с. 172]. Предназначение человека он видел в служении правде, доброму и красоте. А осуществление христианской идеи спасения считал возможным лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей.

В этих наполненных глубочайшим смыслом суждениях воплощен символ веры великого русского и всемирного писателя, проникающего своим провидческим взором сквозь тугую пелену изменяющихся времен и человеческого бытия, над которым все еще довлеет угроза всеистребительной войны, и страстно верившего в счастливое будущее человека.

Лучшее будущее наступит тогда, утверждал Ф. М. Достоевский, когда люди на основе реализации главной христианской заповеди возлюбить ближнего как самого себя смогут объединиться в единое гармоничное целое, которое он обозначает термином «рай Христов». Это объединение, как верно подмечают И. И. Евлампьев и В. Н. Смирнов, писатель видит не только в моральном, но и в онтологическом смысле, предполагая, что воцарение всеобщей любви вызовет в человечестве радикальную трансформацию, приведет к образованию единого духовно-телесного организма. Тогда-то и должна наступить новая бессмертная жизнь, не похожая на прежнюю. Он утверждает, что синтез личностей

в форме единого человечества должен захватить и материальную вселенную, человечество должно стать центром некоего органического синтеза ми-роздания. Определение Ф. М. Достоевским характера будущей жизни, бессмертного бытия человека предполагает синтез со всем, т. е. слияние не только с другими личностями, но и в целом с бытием [24].

Провозглашая важнейший задачей утверждение «христианского синтеза», Ф. М. Достоевский категорически отвергал «философское опровержение бытия божия», которым богохульник отрицает «создание божие, мир божий и смысл его» [25, с. 66]. Полемически страстно выступая против подобных

атеистических воззрений, он был убежден, что «Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца» [15, с. 198]. «Непосредственное соединение с народом есть средство к спасению единства» [23, с. 169].

Лейтмотивом этого символа веры являются идущие из глубины сердца великого писателя слова о том, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа. Истинным кодом данного символа веры является воплощение человечности, сострадательности, деятельности доброты людей, стремящихся к достижению взаимопонимания и единения.

Библиографические ссылки

1. Достоевский ФМ. *Письма. 1832–1859*. Ленинград: Наука; 1985. 572 с. (Полное собрание сочинений; том 28, Книга 1).
2. Манн Т. Достоевский – но в меру. В: Манн Т. *Собрание сочинений. Том 10*. Москва: Художественная литература; 1961. с. 327–345.
3. Бердяев НА. Откровения о человеке в творчестве Достоевского. В: Борисов ВМ, Рогинский АБ, составители. *О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг.* Москва: Книга; 1990. с. 215–233.
4. Достоевский ФМ. *Братья Карамазовы. Книги XI–XII. Рукописные редакции*. Москва: Наука; 1976. 624 с. (Полное собрание сочинений; том 15).
5. Достоевский ФМ. *Братья Карамазовы. Книги I–X*. Москва: Наука; 1976. 511 с. (Полное собрание сочинений; том 14).
6. Гачева АГ. Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. В: Касаткина ТА, редактор. *Достоевский и XX век. Том 1*. Москва: ИМЛИ РАН; 2007. с. 18–96.
7. Маслин МА. Достоевский Ф. М. В: Стёпин ВС, Гусейнов АА, Семигин ГЮ, Огурцов АП, редакторы. *Новая философская энциклопедия. Том 1*. Москва: Мысль; 2000. с. 693–694.
8. Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Том 4*. Москва: Наука; 1967. 600 с.
9. Достоевский ФМ. *Дневник писателя. 1877 (сентябрь–декабрь) – 1880 (август)*. Москва: Наука; 1984. 518 с. (Полное собрание сочинений; том 26).
10. Достоевский ФМ. *Дневник писателя за 1876 год (ноябрь–декабрь)*. Ленинград: Наука; 1982. 518 с. (Полное собрание сочинений; том 24).
11. Достоевский ФМ. *Дневник писателя за 1877 год (январь–август)*. Ленинград: Наука; 1983. 470 с. (Полное собрание сочинений; том 25).
12. Достоевский ФМ. *Преступление и наказание*. Ленинград: Наука; 1973. 423 с. (Полное собрание сочинений; том 6).
13. Бердяев Н. Любовь у Достоевского. В: Шестаков ВП, составитель. *Русский эрос, или Философия любви в России*. Москва: Прогресс; 1991. с. 273–283.
14. Селезнев ЮИ. *Достоевский*. Москва: Молодая гвардия; 1981. 543 с. (Жизнь замечательных людей).
15. Достоевский ФМ. *Бесы*. Ленинград: Наука; 1974. 519 с. (Полное собрание сочинений; том 10).
16. Достоевский ФМ. *Подросток*. Ленинград: Наука; 1975. 456 с. (Полное собрание сочинений; том 13).
17. Геригк Х-Ю. О «Подростке» Достоевского. *Достоевский и мировая культура*. 2012;28:11–28.
18. Дикий А. *Русско-еврейский диалог*. Москва: Витязь; 1995. 150 с.
19. Достоевский ФМ. *Дневник писателя за 1876 год (январь–апрель)*. Ленинград: Наука; 1981. 407 с. (Полное собрание сочинений; том 22).
20. Достоевский ФМ. *Дневник писателя за 1876 год (май–октябрь)*. Ленинград: Наука; 1981. 423 с. (Полное собрание сочинений; том 23).
21. Достоевский ФМ. *Дневник писателя, 1881. Автобиографическое. Dubia*. Ленинград: Наука; 1984. 463 с. (Полное собрание сочинений; том 27).
22. Достоевский ФМ. *Дневник писателя, 1873. Статьи и заметки, 1873–1878*. Ленинград: Наука; 1980. 551 с. (Полное собрание сочинений; том 21).
23. Достоевский ФМ. *Статьи и заметки, 1862–1865*. Ленинград: Наука; 1980. 432 с. (Полное собрание сочинений; том 20).
24. Евлампиев ИИ, Смирнов ВН. «Синтетический» образ Иисуса Христа в творчестве Ф. М. Достоевского и его источники в немецкой романтической натурфилософии. *Философские науки*. 2020;63:90–106.
25. Достоевский ФМ. *Письма, 1878–1881*. Ленинград: Наука; 1988. 455 с. (Полное собрание сочинений; том 30, книга 1).

References

1. Dostoevsky FM. *Pis'ma. 1832–1859* [Letters. 1832–1859]. Leningrad: Nauka; 1985. 572 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 28, book 1). Russian.
2. Mann T. [Dostoevsky – but in moderation]. In: Mann T. *Sobranie sochinenii. Tom 10* [Collected works. Volume 10]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1961. p. 327–345. Russian.

3. Berdyaev NA. [Revelations about man in the work of Dostoevsky]. In: Borisov VM, Roginskii AB, compilers. *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881–1931 gg.* [About Dostoevsky. Dostoevsky's creative work in Russian thought 1881–1931]. Moscow: Kniga; 1990. p. 215–233. Russian.
4. Dostoevsky FM. *Brat'ya Karamazovy. Knigi XI–XII. Rukopisnye redaktsii* [The brothers Karamazov. Books XI–XII. Hand-written editions]. Moscow: Nauka; 1976. 624 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 15). Russian.
5. Dostoevsky FM. *Brat'ya Karamazovy. Knigi I–X* [The brothers Karamazov. Books I–X]. Moscow: Nauka; 1976. 511 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 14). Russian.
6. Gacheva AG. [Dostoevsky's creative work and Russian religious and philosophical thought of the late 19th – first third of the 20th century]. In: Kasatkina TA, editor. *Dostoevsky i XX vek. Tom 1* [Dostoevsky and the 20th century. Volume 1]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; 2007. p. 18–96. Russian.
7. Maslin MA. [Dostoevsky F. M.]. In: Stepin VS, Guseinov AA, Semigin GYu, Ogurtsov AP, editors. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom 1* [New philosophical encyclopedia. Volume 1]. Moscow: Mysl'; 2000. p. 693–694. Russian.
8. Einstein A. *Sobranie nauchnykh trudov. Tom 4* [Collection of scientific works. Volume 4]. Moscow: Nauka; 1967. 600 p. Russian.
9. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya. 1877 (sentyabr'–dekabr') – 1880 (avgust)* [The writer's diary. 1877 (September–December) – 1880 (August)]. Moscow: Nauka; 1984. 518 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 26). Russian.
10. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya za 1876 god (noyabr'–dekabr')* [The writer's diary for 1876 (November–December)]. Leningrad: Nauka; 1982. 518 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 24). Russian.
11. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya za 1877 god (yanvar'–avgust)* [The writer's diary for 1877 (January–August)]. Leningrad: Nauka; 1983. 470 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 25). Russian.
12. Dostoevsky FM. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment]. Leningrad: Nauka; 1973. 423 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 6). Russian.
13. Berdyaev NA. [Love in Dostoevsky]. In: Shestakov VP, compiler. *Russkii eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian eros, or Philosophy of love in Russia]. Moscow: Progress; 1991. p. 273–283. Russian.
14. Seleznev YuI. *Dostoevsky* [Dostoevsky]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1981. 543 p. Russian. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei).
15. Dostoevsky FM. *Besy* [Demons]. Leningrad: Nauka; 1974. 519 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 10). Russian.
16. Dostoevsky FM. *Podrostok* [Teenager]. Leningrad: Nauka; 1975. 456 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 13). Russian.
17. Gerigk H-Yu. [About Dostoevsky's «Teenager»]. *Dostoevsky i mirovaya kul'tura*. 2012;28:11–28. Russian.
18. Dikii A. *Russko-evreiskii dialog* [Russian–Jewish dialogue]. Moscow: Vityaz'; 1995. 150 p. Russian.
19. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya za 1876 god (yanvar'–aprel')* [The writer's diary for 1876 (January–April)]. Leningrad: Nauka; 1981. 407 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 22). Russian.
20. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya za 1876 god (mai–oktyabr')* [Dnevnik pisatelya za 1876 god (mai–oktyabr')]. Leningrad: Nauka; 1981. 423 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 23). Russian.
21. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya, 1881. Avtobiograficheskoe. Dubia* [The writer's diary, 1881. Autobiographical. Dubia]. Leningrad: Nauka; 1984. 463 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 27). Russian.
22. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya, 1873. Stat'i i zametki, 1873–1878* [The writer's diary, 1873. Articles and notes, 1873–1878]. Leningrad: Nauka; 1980. 551 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 21) Russian.
23. Dostoevsky FM. *Stat'i i zametki, 1862–1865* [Articles and notes, 1862–1865]. Leningrad: Nauka; 1980. 432 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 20). Russian.
24. Evlampiev II, Smirnov VN. The «Synthetic» Image of Jesus Christ in F. M. Dostoevsky's works and its origins in German Romantic natural philosophy. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2020;63:90–106. Russian.
25. Dostoevsky FM. *Pis'ma, 1878–1881* [Letters, 1878–1881]. Leningrad: Nauka; 1988. 455 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 30, book 1). Russian.

Статья поступила в редакцию 26.08.2021.
Received by editorial board 26.08.2021.